

П 9055

Издательство „ПРОЛЕТАРИАТЪ“.

Г. В. Плехановъ.

Патріотизмъ

и

Соціализмъ.

Цѣна 4 коп.

Дом Плеханова"

№ 944

Г. В. ПЛЕХАНОВЪ.

ПАТРІОТИЗМЪ И СОЦІАЛИЗМЪ.

(Изъ «Дневника социаль-демократа»).

Лица, выписывающія на 3 руб., за пересылку въ предѣлахъ Европейской Россіи не платятъ; просятъ деньги присылать впередъ (можно марками).

Книжные магазины пользуются скидкою въ размѣръ 25%. При заказѣ на сумму не менѣе 20 руб. пересылка по желѣзнымъ дорогамъ въ предѣлахъ Европейской Россіи принимается за счетъ издательства. Книги высылаются наложеннымъ платежомъ.

Изданія „Пролетаріата“ продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга и Москвы.

Складъ изданій въ С.-Петербургѣ при книжной торговлѣ—
Владимірскій пр., № 19 и при книжномъ магазинѣ „Трудъ“,
Невскій пр., № 60.

ПАТРІОТИЗМЪ и СОЦІАЛИЗМЪ.

Выпуская первый номеръ своего „Дневника“, я предупредилъ читателей, что буду разсматривать въ немъ, между прочимъ, и тѣ вопросы и явленія, которые имѣютъ интересъ не только для насъ, російскихъ соціалъ-демократовъ, но и для соціалъ-демократовъ всего міра. Къ числу вопросовъ этого рода, несомнѣнно, относится вопросъ объ отношеніи патріотизма къ соціализму, выдвинутый извѣстнымъ рѣзкимъ и отчасти парадоксальнымъ заявленіемъ французскаго соціалиста Эрвэ. Редакція журнала „La vie socialiste“ приняла по его поводу цѣлую „анкету“, т. е. обратилась къ соціалистамъ разныхъ странъ съ просьбой написать, что они думаютъ объ этомъ предметѣ. Въ числѣ другихъ получилъ такое приглашеніе и я. Мой отвѣтъ заключается въ нижеслѣдующемъ письмѣ въ редакцію вышеназваннаго журнала.

Дорогіе товарищи!

Только теперь у меня нашелся нѣкоторый досугъ, позволяющій мнѣ отвѣтить на ваши вопросы. Это довольно поздно. Но лучше поздно, чѣмъ никогда. Ваши вопросы гласятъ такъ:

„1) Что думаете вы о томъ мѣстѣ „Манифеста коммунистической партіи“, въ которомъ сказано, что рабочіе не имѣютъ отечества?

„2) Къ какимъ дѣйствіямъ, къ какой формѣ пропаганды обязываетъ соціалистовъ интернаціонализмъ въ виду милитаризма, „колониализма“ и ихъ причинъ и послѣдствій?

„3) Какую роль должны играть социалисты въ международных сношеніяхъ (таможенные тарифы, международное рабочее законодательство и т. д.)?“

„4) Какова обязанность социалистовъ въ случаѣ войны?“

Я начинаю,—какъ и слѣдуетъ,—съ начала.

Нѣкоторые думаютъ, что указанныя вами строки коммунистическаго манифеста выражаютъ собою скорѣе негодованіе Маркса и Энгельса на тяжелое положеніе пролетаріата въ капиталистическомъ обществѣ, чѣмъ истинный взглядъ ихъ на отношеніе социалиста къ патріотизму. Такъ, напримѣръ, Жорэсъ въ своемъ спорѣ съ Эрвэ называлъ эти строки пессимистической бутадой, которая отчасти, — замѣтите, товарищи, *только* отчасти, — объясняется обстоятельствами того времени, когда былъ написанъ коммунистическій манифестъ и когда экономическій кризисъ достигъ до своей высшей точки, а рабочіе лишены были элементарныхъ правъ человѣка. Почти того же мнѣнія держится и Э. Бернштейнъ. По-его словамъ, интересующая насъ „теза“ можетъ быть „оправдана“ тѣмъ, что когда Марксъ и Энгельсъ писали свой знаменитый манифестъ, „рабочіе вездѣ лишены были права голоса, т. е. всякаго участія въ администраціи!“

Я не могу согласиться ни съ Жорэсомъ, ни съ Бернштейномъ.

Если бы они были правы, то выходило бы, что теперь, когда пролетаріатъ передовыхъ капиталистическихъ странъ уже имѣетъ большую часть тѣхъ политическихъ правъ, которыхъ недоставало ему наканунѣ революціоннаго движенія 1848 г.; теперь, когда даже русскій пролетаріатъ не далекъ отъ приобрѣтенія правъ гражданина, предѣлы социалистическаго интернаціонализма должны быть сужены въ пользу патріотизма. Но это значило бы, что *интернаціонализмъ долженъ отступить по мѣрѣ успѣховъ интернаціональнаго рабочаго движенія*. Мнѣ кажется, что дѣло происходитъ

какъ разъ наоборотъ, что интернаціонализмъ все глубже проникаетъ въ сердца пролетаріевъ, и что теперь его вліяніе на нихъ сильнѣе, чѣмъ это было въ эпоху появленія „Манифеста коммунистической партіи“. Мнѣ кажется, что „теза“ Маркса и Энгельса нуждается не въ *оправданіи*, а только въ *правильномъ истолкованіи*.

Слова: „рабочіе не имѣютъ отечества“ написаны были въ отвѣтъ идеологамъ буржуазіи, обвинявшимъ коммунистовъ въ томъ, что тѣ хотятъ „уничтожить отечество“. Ясно, стало быть, что у авторовъ манифеста рѣчь шла объ „отечествѣ“, понимаемомъ въ совершенно опредѣленномъ смыслѣ, т. е. въ томъ смыслѣ, который придавали этому понятію буржуазные идеологи. Манифестъ объявлялъ, что *такого* отечества рабочіе не имѣютъ. Это было справедливо въ то время; это остается справедливымъ теперь, когда пролетаріатъ передовыхъ странъ пользуется извѣстными, болѣе или менѣе широкими, болѣе или менѣе прочными политическими правами; это останется справедливымъ и на будущее время, какъ бы ни были велики тѣ политическія завоеванія, которыя еще предстоитъ сдѣлать рабочему классу.

Въ самомъ дѣлѣ, вы не забыли, надѣюсь, товарищи, какъ изображалъ Жорэсъ въ залѣ Элизе-Монмартръ патріотизмъ того счастливаго будущаго, когда коммунизмъ сдѣлается господствующимъ способомъ производства. Тогда „отечества“ будутъ существовать лишь какъ представители оригинальныхъ духовныхъ чертъ, свойственныхъ различнымъ народамъ“. „Какъ индивидуумы съ ихъ характерными чертами, съ ихъ разнообразіемъ, не растворятся въ социалистической организации, но удержатъ и утвердятъ въ самыхъ гармоничныхъ формахъ оригинальность своей природы, точно также и историческія индивидуальности, называемыя отечествами: англійское отечество, нѣмецкое отечество, французское отечество, итальянское отечество, русское отечество, китайское отечество“.

чество, — когда желтая раса освободится от гнетущей опеки бѣлыхъ... всѣ эти отечества, съ ихъ нравственной индивидуальностью, созданной исторіей, съ ихъ языкомъ, съ ихъ литературой, съ ихъ понятіемъ о жизни, съ ихъ воспоминаніями, съ особенной формой ихъ надеждъ, съ особымъ складомъ ихъ страстей, ихъ души, ихъ генія, — всѣ эти индивидуальности составляютъ великое коммунистическое человечество завтрашняго дня“. Эта тирада не безупречна съ логической точки зрѣнія: *индивидуумъ есть биологическая категорія; національность есть категорія историческая*. Поэтому эти два понятія несоизмѣримы. Но это мимоходомъ. Главное же для меня состоитъ здѣсь въ томъ, что „отечества“ будущаго, какъ намъ изобразилъ ихъ Жорэсъ, *совсѣмъ не похожи* на то „отечество“, которое имѣли въ виду буржуазные публицисты, нападавшіе на коммунистовъ, и о которомъ говорили Марксъ и Энгельсъ, возражая этимъ публицистамъ. Многочисленные и разнообразныя „отечества“ будущаго являются въ изображеніи Жорэса не чѣмъ инымъ, какъ *народностями*. Если бы авторы коммунистическаго манифеста сказали, что рабочіе не принадлежатъ ни къ какимъ народностямъ, то это было бы не „пессимистической бутадой“, а просто смѣшной нелѣпостью. Но они говорили не о народностяхъ, а объ отечествѣ, и вдобавокъ не о томъ отечествѣ, которое *будетъ существовать*, по мнѣнію Жорэса, въ счастливомъ царствѣ коммунизма, а о томъ, которое существуетъ теперь, при гнетущемъ господствѣ капиталистическаго способа производства. А *это* отечество имѣетъ, какъ я сказалъ, черты, дѣлающія его очень мало похожимъ на тѣ будущія „отечества“, о которыхъ говорилъ Жорэсъ со свойственнымъ краснорѣчіемъ. Какія же это черты? Ихъ указалъ самъ Жорэсъ.

По его словамъ, послѣ „окончательной и полной социальной революціи“ (*la Révolution sociale complète et définitive*) отечества *перестанутъ суще-*

ствовать, „какъ сила недовѣрія, исключительности, взаимнаго угнетенія“. Стало быть, въ настоящее время, въ царствѣ *капитализма*, „отечества“ служатъ не только выраженіемъ духовныхъ особенностей различныхъ народовъ, но также — и болѣе всего — *выраженіемъ національной исключительности, взаимнаго недовѣрія между народами и угнетенія одного народа другимъ*. Каково должно быть отношеніе сознательнаго пролетарія къ *этому, къ буржуазному* отечеству?

Манифестъ коммунистической партіи говоритъ, что у пролетарія нѣтъ *такого* отечества. Развѣ же его авторы не правы?

Ихъ отвѣтъ не только не представляетъ собою „пессимистической бутады“, онъ не только не нуждается въ „оправданіи“, но долженъ быть положенъ въ основу всей международной политики социалистическаго пролетаріата.

Марксъ сказалъ, какъ извѣстно, что германскій пролетаріатъ есть наслѣдникъ германской классической философіи. Жорэсъ восклицаетъ: „Нѣтъ, Кантъ со своей антиноміей, Фихте со своей гордостью абсолютнаго сознанія, Гегель со своей революціонной діалектикой могли быть поняты и представлены только такимъ рабочимъ классомъ, они могли воплотиться только въ этомъ революціонномъ классѣ пролетаріевъ, которые хотятъ освободить всѣ воли, оставить природу во власти одного только закона сознанія и открыть вѣчной діалектикѣ новые горизонты безконечной человеческой революціи“.

Я не знаю, что значить оставить природу во власти одного только нравственного закона и опасаясь, что революціонному пролетаріату никогда не удастся рѣшить эту головоломную задачу; тѣмъ не менѣе, я все таки готовъ рукоплескать краснорѣчію товарища Жорэса. Но я не понимаю, въ какомъ смыслѣ это краснорѣчивое мѣсто его рѣчи могло бы поколебать ту мысль Маркса и Энгельса, что пролетаріатъ не имѣетъ отечества.

Жорэсъ продолжаетъ: „въ этомъ заключается отвѣтъ тѣмъ, которые говорятъ рабочему классу, что онъ можетъ не интересоваться вещами, относящимися къ отечеству, всей національной традиціей“. Это опять удивляетъ меня. Марксъ и Энгельсъ никогда не говорили рабочимъ, что они „могутъ не интересоваться вещами, относящимися къ отечеству“. Но интересоваться этими „вещами“ не значитъ быть *патріотомъ*. Политическая власть, классовая диктатура, является, безъ всякаго сомнѣнія, „вещью“, имѣющею очень близкое отношеніе къ „отечеству“, а между тѣмъ авторы манифеста всегда указывали пролетаріату на необходимость ея завоеванія. И напрасно думаетъ Жорэсъ, что отрицательное отношеніе къ идеѣ отечества тождественно съ равнодушіемъ къ культурнымъ приобрѣтеніямъ народа. Именно успѣхи культуры и приводятъ людей къ пониманію узкости этой идеи.

Жорэсъ упрекалъ Эрвэ въ софистикѣ. Въ данномъ случаѣ Эрвэ имѣлъ бы право вернуть ему этотъ упрекъ и сказать, что его доводъ напоминаетъ софизмъ, къ которому прибѣгаютъ буржуазные экономисты, утверждающіе, что *уничтоженіе капитала* было бы равносильно уничтоженію *средствъ производства*. Капиталъ, это—одно, а средства производства—совсѣмъ другое. Точно также, иное дѣло культурныя завоеванія даннаго народа, его цивилизація, а иное дѣло „отечество“. Необходимымъ условіемъ существованія капитализма служить отсутствіе средствъ производства у огромнѣйшей части населенія. Подобно этому, необходимымъ психологическимъ условіемъ любви къ *своему отечеству* является то неуваженіе къ правамъ *чужихъ отечествъ*, которое самъ Жорэсъ называетъ *духомъ исключительности*. И если революціонный пролетаріатъ въ самомъ дѣлѣ долженъ „освободить всѣ воли“, то уже по одному этому онъ долженъ *подняться выше идеи отечества*.

Жорэсъ указываетъ на знаменитаго публициста времени реставраціи Армана Карреля, имѣвшаго мужество пойти противъ своей собственной страны, когда она начала несправедливую войну съ Испаніей. Къ этому можно прибавить, что во время польской революціи 1863 нѣкоторые русскіе офицеры, не желая быть палачами сосѣдняго народа, боровшагося за свою свободу, перешли въ ряды польскихъ „повстанцевъ“. Я считаю эти подвиги геройскими, дѣлающими честь французскому и русскому народамъ. Но *съ точки зрѣнія патріотизма эти подвиги являются позорнѣйшимъ преступленіемъ: національной измѣной*.

При всемъ краснорѣчіи Жорэса, ему только потому удастся сдѣлать свою „тезу“ до нѣкоторой степени приемлею, что у него одна идея не отграничена отъ другой: идея *отечества, какъ оно есть*, смѣшивается съ идеей *отечества, какъ оно по его мнѣнію, должно быть и будетъ*. Такимъ путемъ можно доказать рѣшительно все, что угодно. Но такое смѣшеніе понятій ни мало не способствуетъ выясненію вопроса.

Повторяю, отечество есть категорія историческая, т. е. переходящая по своему существу. Какъ идея *племени* смѣнилась идеей *отечества*, сначала ограниченнаго предѣлами *городской общины*, а потомъ расширившейся до нынѣшнихъ *національныхъ* предѣловъ, такъ идея *отечества* должна отступить передъ несравненно болѣе широкой идеей *человѣчества*. За это ручается та самая сила, благодаря которой образовалась и видоизмѣнялась патріотическая идея: *сила экономического развитія*.

Идея отечества связываетъ людей одной страны тѣснѣйшими узами солидарности во всемъ, что касается интересовъ этой страны въ ихъ противоположности съ интересами другихъ странъ. Герой одного изъ романовъ Тургенева, болгаринъ Инсаровъ, говоритъ: „въ Болгаріи послѣдній мужикъ, послѣдній нищій и я—мы желаемъ одного и того же, у всѣхъ одна цѣль“, т. е. цѣль завоеванія бол-

гарской независимости. Такая цѣль заслуживаетъ, конечно, всякой симпатіи со стороны класса, стремящагося къ „освобожденію всѣхъ волю“. Но надо помнить, что турецкіе патріоты, въ свою очередь, должны были не менѣе единодушно, — забывая всѣ классовыя различія, — стремиться къ противоположной цѣли, т. е. *поддержанію турецкаго господства въ Болгаріи*. Во время возстанія 1897 г. на островѣ Критѣ младо-турки, издававшіе въ Женевѣ журналъ „Osmanlis“, писали, что Критъ принадлежит Турціи по праву завоеванія. Это было патріотическое сужденіе въ его чистомъ, не софистицированномъ видѣ.

Но этотъ чистый патріотизмъ возможенъ только при двухъ условіяхъ. Онъ предполагаетъ, во-первыхъ, неразвитое состояніе борьбы классовъ, а во-вторыхъ, отсутствіе большого, бросающагося въ глаза сходства въ положеніи угнетенныхъ классовъ двухъ или нѣсколькихъ „отечествъ“. Гдѣ борьба классовъ принимаетъ острый, революціонный характеръ, расшатывая старыя, унаслѣдованныя отъ прежнихъ поколѣній понятія, и гдѣ, кромѣ того, угнетенный классъ легко можетъ убѣдиться въ томъ, что его интересы очень сходны съ интересами угнетеннаго класса чужихъ странъ и противоположны интересамъ господствующаго класса его собственной страны, тамъ *идея отечества* въ весьма значительной степени утрачиваетъ свое прежнее обаяніе. Это показываетъ намъ уже древняя Греція, гдѣ низшіе классы гражданъ чувствовали себя болѣе солидарными съ низшими классами гражданъ другихъ государствъ, чѣмъ съ высшими классами своего государства-города. Целопонезская война, эта война между демократіей и аристократіей, охватившая большую часть тогдашняго греческаго міра, можетъ служить этому яркимъ подтвержденіемъ. Въ новое время нѣчто подобное видимъ мы, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, въ нѣкоторыхъ международныхъ столкновеніяхъ, вызванныхъ великой французской революціей конца XVIII-го вѣка. На

эти явленія необходимо долженъ обратить вниманіе всякій кто хочетъ серьезно выяснитъ себѣ историческое значеніе патріотической идеи. Но какъ ни важны эти явленія, они представляются незначительными въ сравненіи съ тѣмъ, что мы видимъ въ современномъ освободительномъ движеніи пролетаріата.

Капитализмъ, который по самому характеру своему долженъ стремиться выйти за предѣлы всякаго даннаго „отечества“ и проникнуть въ каждую страну захватываемую международнымъ обмѣномъ, служить могучимъ экономическимъ факторомъ, расшатывающимъ и разлагающимъ ту самую идею отечества, которая, — *въ своемъ новѣйшемъ видѣ*, — имъ же вызвана была нѣкогда къ жизни. Отношенія между эксплуататорами и эксплуатируемыми, — не смотря на многочисленныя и часто очень важныя мѣстные различія, — по своему *существованію* одинаковы во всѣхъ капиталистическихъ странахъ. Поэтому сознательный *пролетарій* всякой данной капиталистической страны чувствуетъ себя несравненно ближе къ пролетарію всякой другой капиталистической страны, чѣмъ къ своему соотечественнику — *капиталисту*. А такъ какъ, по условіямъ современнаго мірового хозяйства, социалистическая революція, которая положитъ конецъ господству капитала, должна быть *международной*, то въ умахъ сознательныхъ рабочихъ идея *отечества*, — объединяющаго въ одно солидарное и полное „исключительности“ цѣлое всѣ классы общества, — по необходимости должна уступить мѣсто безконечно болѣе широкой идеѣ солидарности революціоннаго человечества, т. е. „*пролетаріевъ всѣхъ странъ*“. И чѣмъ шире дѣлается могучая рѣка современнаго рабочаго движенія, тѣмъ дальше отступаетъ психологія *патріотизма* передъ психологіей *интернационализма*.

До тѣхъ поръ пока классовая борьба еще не расшатала въ Греціи патріотизма городскихъ общинъ, афинскій гражданинъ видѣлъ въ гражданахъ

Спарты чужестранцевъ, которыхъ можно было эксплуатировать такъ или иначе,—напримѣръ, путемъ торговли или временныхъ политическихъ союзовъ,—но интересы которыхъ не могли быть ему близкими и дорогими. Современный афинскій уроженецъ, стоящій на точкѣ зрѣнія *современнаго* патріотизма, смотритъ на Лакедемонъ, какъ на часть своего отечества, интересы котораго одинаково дороги ему *на всемъ его протяженіи*. Это значитъ, что современный греческій патріотъ уже чуждъ того рода „исключительности“, который былъ свойствененъ патріотизму городскихъ общинъ. Но это совсѣмъ не значитъ, что онъ враждебенъ „вещамъ“ своего родного города или хотя бы только равнодушенъ къ нимъ. Нѣтъ, его патріотизмъ вполне совмѣстимъ съ самымъ ревностнымъ, самымъ неутомимымъ служеніемъ „вещамъ“ своего родного города. Этотъ патріотизмъ не допускаетъ только эксплуатаціи въ пользу этого города другихъ частей того же отечества. Для такого человѣка *salus patriae—suprema lex*. Точно также современный социалистическій интернаціонализмъ вполне совмѣстимъ съ самой усердной, самой неутомимой работой на благо родной страны; но онъ совершенно не совмѣстимъ съ готовностью поддерживать родную страну тамъ, гдѣ ея *интересы приходятъ въ противорѣчіе съ интересами революціоннаго человечества, т. е. современнаго международнаго движенія пролетаріата, т. е. прогресса*. Интересы этого движенія представляютъ собою ту высшую точку зрѣнія, съ которой современный социалистъ, не желающій измѣнить своимъ взглядамъ, долженъ оцѣнивать всѣ международныя отношенія какъ тамъ, гдѣ ими выдвигаются вопросы *войны и мира*, такъ тамъ, гдѣ рѣчь заходитъ *о коммерческой политикѣ вообще и о „колониализмѣ“ въ частности*. Для такого социалиста *salus revolutiae—suprema lex*.

Я прекрасно понимаю, что въ этихъ словахъ заключается лишь общая формула, не содержащая въ себѣ готоваго отвѣта для cadaго частнаго случая. Но, по прекрасному выраженію Маркса,

наша теорія вовсе не есть *passe-partout*, избавляющій насъ отъ необходимости внимательно изучать отдѣльныя общественныя явленія. Современная социалистическая теорія, это—*алгебра революціи*, могущая дать намъ только *алгебраическія* формулы. Чтобы руководиться этими формулами на практикѣ, мы должны умѣть замѣнять въ нихъ *алгебраическіе* знаки опредѣленными *арифметическими* величинами, а для этого необходимо принять въ соображеніе всѣ частныя условія cadaго частнаго случая. Только при такомъ пользованіи этими формулами онѣ сохраняютъ свой живой, діалектическій характеръ и не превратятся въ мертвыя метафизическія догмы...

Характеръ мертвой догмы имѣетъ, напримѣръ, то мнѣніе, что социалисты должны быть противъ *всякой* войны. Еще нашъ Чернышевскій писалъ, что такіе абсолютные приговоры несостоятельны, и утверждалъ, что Мараѳонская битва была благодѣлительнѣйшимъ событіемъ въ исторіи человечества. Не менѣе догматично и то мнѣніе, что мы, социалисты, можемъ сочувствовать только *оборонительнымъ* войнамъ. Такое мнѣніе правильно лишь съ точки зрѣнія *консервативнаго* *sum cuique*, а международный пролетаріатъ, послѣдовательно держась своей точки зрѣнія, долженъ сочувственно отнестись ко всякой войнѣ,—оборонительной или наступательной, это все равно,—которая обѣщаетъ устранить какое нибудь важное препятствіе съ пути социальной революціи.

Несомнѣнно, однако, что въ настоящее время войны между цивилизованными народами во многихъ отношеніяхъ очень сильно вредятъ освободительному движенію рабочаго класса. Вотъ почему сознательные элементы этого класса являются самыми рѣшительными и надежными сторонниками мира. *)

*) Несомнѣнно и то, что колониальная практика буржуазныхъ «отечествъ» уже доставила международному пролетаріату достаточно данныхъ для рѣшительнаго ея осужденія. По этому поводу достаточно напомнить рѣшенія послѣднихъ международныхъ съѣздовъ.

На вопросъ о томъ, какъ должны вести себя пролетаріи тѣхъ странъ, которыя вступаютъ между собою въ войну, тоже нельзя дать одинъ неизмѣнный, разъ навсегда изготовленный отвѣтъ. Этотъ вопросъ поднимался, какъ извѣстно, еще на цюрихскомъ международномъ съѣздѣ 1893 года. Домела Ньевенгайтсъ выступилъ тогда съ тѣмъ предложениемъ, которое дѣлаетъ теперь Эрвз: онъ утверждалъ, что отвѣтомъ на объявленіе войны должна быть *военная стачка*. Въ качествѣ докладчика военной коммисіи я рѣшительно выступилъ противъ этого предложенія, и меня энергично поддержали тогда марксисты всѣхъ странъ къ великому негодованію различныхъ, въ изобиліи присутствовавшихъ на томъ съѣздѣ, полуанархическихъ и полубуржуазныхъ элементовъ. Я и теперь думаю, что идея военной стачки—весьма неудачная идея. Вообразите, что начинается война между двумя странами, въ одной изъ которыхъ существуетъ вліятельная рабочая партія, а въ другой,—очень отсталой,—рабочее движеніе едва-едва начинается. Что выйдетъ, если социалисты призовутъ пролетаріевъ къ военной стачкѣ, и если пролетаріи не останутся глухи къ ихъ призыву? Это легко предвидѣть. Передовая страна будетъ побѣждена. Отсталое государство восторжествуетъ! Выгодно ли это для международного социалистическаго движенія? Нѣтъ, очень вредно. Стало быть, вредна была бы въ этомъ случаѣ и военная стачка.

Но Эрвз думаетъ, повидимому, что военная стачка была бы умѣстна только въ случаѣ военнаго столкновенія между двумя такими странами, въ каждой изъ которыхъ существуетъ значительно развитое рабочее движеніе. Въ этомъ случаѣ она, конечно, не имѣла бы указаннаго мною неудобства; но здѣсь противъ нея поднимается другое возраженіе.

Самъ Эрвз признаетъ, что военная стачка имѣетъ смыслъ только въ качествѣ перваго шага рабочей революціи. И это вѣрно. Но вѣдь революціонный пролетаріатъ всегда и даже независимо отъ войны

долженъ стремиться къ революціи. Почему же онъ не дѣлаетъ ея, положимъ, въ настоящую минуту? Очевидно, потому что онъ еще недостаточно для этого силенъ. Но если это такъ, то спорный вопросъ сводится, стало быть, къ другому вопросу: къ вопросу о томъ, дастъ ли объявленіе войны пролетаріату силу, необходимую для революціи? А на этотъ послѣдній вопросъ, разумеется, нельзя отвѣтить съ помощью стереотипной формулы, годной для всѣхъ странъ и для всякаго даннаго времени. И уже по одному этому военная стачка не можетъ быть принята международнымъ пролетаріатомъ въ качествѣ общаго тактическаго рецепта. И, конечно, международный пролетаріатъ такого рецепта никогда себѣ не пропишетъ.

Если организованная рабочая партія какой-нибудь страны въ моментъ объявленія войны найдетъ, что часть социальной революціи пробилъ, то,—*въ числѣ другихъ средствъ достиженія своей великой цѣли*,—она можетъ прибѣгнуть и къ военной стачкѣ. Но тогда „теза“ такой стачки должна будетъ подвергнуться всестороннему обсужденію на основаніи всѣхъ условій времени и мѣста. Принимать же ее напередъ было бы по меньшей мѣрѣ рискованно.

Резюмируя свой взглядъ на этотъ предметъ, я скажу, что рѣшеніе международного брюссельскаго съѣзда 1891 года до сихъ поръ сохранило весь свой глубокой смыслъ. Лучшимъ средствомъ борьбы съ милитаризмомъ нужно признать не тотъ или другой возможный,—или предполагаемый таковымъ,—актъ рабочаго класса, а *всю совокупность успѣховъ освободительнаго движенія пролетаріата*. Наша борьба съ милитаризмомъ вообще не можетъ быть приурочена къ отдѣльному дѣйствию. Это цѣлый процессъ.

На вашъ вопросъ о рабочемъ законодательствѣ можно, я думаю, отвѣтить очень кратко. Никто изъ насъ, международныхъ социалистовъ, не сомнѣвается въ томъ, что это законодательство должно быть *международнымъ*. Сомнѣніе возможно лишь

тогда, когда заходить рѣчь о той конкуренціи, которую менѣе требовательные пролетаріи отста-
 лыхъ странъ дѣлають, при продажѣ своей рабочей
 силы, болѣе требовательнымъ пролетаріямъ пере-
 довыхъ странъ. Нѣкоторые наши товарищи при-
 ходили по этому поводу къ мысли о *запрети-
 тельномъ законодательствѣ*. Я нахожу эту мысль
 противорѣчащей принципамъ международнаго со-
 ціализма. По моему твердому убѣжденію, мы должны
 держаться другого метода борьбы съ указанной
 конкуренціей. *Революціонный пролетаріатъ пе-
 редовыхъ странъ долженъ стараться пробудить
 классовое сознаніе въ умахъ своихъ конкурентовъ,
 приходящихъ изъ отсталыхъ странъ, и организо-
 вать ихъ для совместной борьбы съ капиталомъ,
 а не обороняться отъ нихъ съ помощью пограничной
 стражи.*

Вотъ что я могу, товарищи, отвѣтить Вамъ на
 Ваши вопросы. Простите, если я слишкомъ долго
 занималъ Ваше вниманіе.

Преданный Вамъ Г. Плехановъ.

Издательство „ПРОЛЕТАРИАТЪ“.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

Г. В. Плехановъ. „О задачахъ социалистовъ въ борьбѣ съ голо-
 домъ въ Россіи“. Перепечатано безъ измѣненій съ женеvского
 изданія. Цѣна 20 коп.

Г. В. Плехановъ. „Всероссійское развореніе“. Перепечатано безъ
 измѣненій съ женеvского изданія. Цѣна 15 коп.

Г. В. Плехановъ. „Соціализмъ и политическая борьба“, — „Еще
 разъ социализмъ и политическая борьба“. Цѣна 25 коп.

Г. В. Плехановъ. „Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи“.
 (Изъ „Соціалдемократа“). Цѣна 15 коп.

Г. В. Плехановъ. „Лассаль“. Цѣна 10 коп.

Г. В. Плехановъ. „Новый защитникъ самодержавія или Горе г.
 Тихомирова“. Перепечатано съ женеvского изданія. Цѣна 15 коп.

Г. В. Плехановъ. „Партиатизмъ и Соціализмъ“. Цѣна 4 коп.

Л. Дейчъ. „Кровавые дни“. Цѣна 5 коп.

Я. Стефановичъ. „Неприкосновенность личности“ „Навсас Согри“
 Цѣна 4 коп.

Н. Саблина. „Женщина—работница“. Цѣна 5 коп.

Карль Марксъ. „Наемный трудъ и капиталъ“. Съ двумя прило-
 женіями. Переводъ и предисловіе Л. Дейча, подъ редакціей
 Г. В. Плеханова. Цѣна 10 коп.

Карль Марксъ. „Первый манифестъ Международнаго товарище-
 ства рабочихъ“. Цѣна 2 коп.

Карль Марксъ. „Классовая борьба во Франціи отъ 1848—1852 г.“
 Съ введеніемъ Ф. Энгельса. Переводъ подъ редакціей В. Кричев-
 скаго. Цѣна 20 коп.

Карль Марксъ. „Рѣчь о свободѣ торговли“. Переводъ и предис-
 ловіе Г. В. Плеханова. Цѣна 10 коп.

Карль Марксъ. „Нищета философіи“. Перев. подъ редакціей М.
 Филиппова. Цѣна 20 коп.

Карль Марксъ. „Грей, какъ предшественникъ Прудона“. Пере-
 водъ подъ редакціей М. Филиппова. Цѣна 8 коп.

Ф. Энгельсъ. „Бакунины са работой“. Переводъ подъ редакціей
 М. Ленина. Цѣна 4 коп.

Фр. Энгельсъ. „Крестьянскія войны“. Переводъ и предисловіе
 Финна-Внотаевскаго. Цѣна 25 коп.

„Марсельса пролетаріевъ“. Сборникъ пѣсенъ и стихотвореній.
 Цѣна 25 коп.

Ф. Лассаль. „Программа работниковъ“. — „О сущности Консти-
 тущи“. — „Что-же дальше?“ — Съ двумя приложеніями: *Бернштейнъ*;
Лассаль; *Бebel*; Лассаль. 128 стр. Цѣна 20 коп.

20
Н. Наутсий. „Соціалная революція“, „На другой день послѣ революціи“. Переводъ подъ редакціей Н. Ленина. Цѣна 20 коп.

Н. Наутсий. „О еврейскомъ пролетаріатѣ“. Цѣна 2 коп.

Г. В. Плехановъ. „Дневникъ Соціалдемократа“, № 1.

Г. В. Плехановъ. „Дневникъ Соціалдемократа“, № 2.

Г. В. Плехановъ. „Дневникъ Соціалдемократа“, № 3.

5
10
Энштейнъ. „Рабочій вопросъ въ Японіи“.—„Охрана труда въ Японіи“.—„Китайскіе кули“. Переводъ подъ редакціей Д. И. Пещенко. Цѣна 10 коп.

Л. Крживицкій. „Генезисъ идей“.—„Распространеніе идей“.—„Прошлое“ и настоящее. Цѣна 20 коп.

Г. Куновъ. „Соціологія, этнологія, и матеріалистическое пониманіе исторіи“. Переводъ съ нѣм. Р. Рейна. Цѣна 10 коп.

Г. Роландъ-Гольстъ. „Мистицизмъ въ соврем. литературѣ“. Переводъ Салитанъ.—„Метерлинкъ.—Мистицизмъ и пролетарское искусство“. Переводъ Ц. Юрихчанъ. Цѣна 20 коп.

Э. Вандервельдъ. „Экономическіе факторы алкоголизма“. Переводъ К. Ляпидевскаго.—„Алкоголизмъ и пролетаріатъ“. Переводъ Ш. Гермера. Цѣна 10 коп.

Д-ръ Р. Кальверъ. „Міровое хозяйство къ началу XX вѣка“. Переводъ съ нѣм. Ш. Гермера. Цѣна 10 коп.

Т. Шлезингеръ-Энштейнъ. „Женщина къ началу XX вѣка“. Переводъ съ нѣм. С. Штернъ подъ редакціей Н. П. Анненковой-Бернаръ. Цѣна 20 коп.

Д-ръ А. Блашко. „Проституція къ началу XX вѣка“. Переводъ съ нѣм. Горфинкеля. Цѣна 10 коп.

Проф. Н. фонъ Неллесъ-Краузь. „Соціологія къ началу XX вѣка“. Переводъ съ нѣм. А. Эдельмана и М. Малыхъ. Цѣна 20 коп.
